

Ишин Андрей Вячеславович

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Крымского
федерального университета имени В.И. Вернадского*

Ishin Andrey Vyacheslavovich

*doctor of historical sciences, professor of the history of Russia Crimean federal
university name of V.I. Vernadsky*

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ ЧЕРНОМОРСКОЙ ЗОНЫ

MULTILATERAL COOPERATION IN THE BLACK SEA REGION IN THE ENERGY FIELD

Аннотация В статье анализируется состояние международного сотрудничества в сфере энергетики в Черноморском бассейне. Рассматриваются проблемы и перспективы развития энергетических коммуникаций, их влияние на уровень международной стабильности.

Ключевые слова: трубопроводные коммуникации, геополитика, партнерство, Черноморская зона.

Abstract In the article the state of international cooperation is analysed in the field of energy in Black Sea besseyne. Problems and prospects of development of power communications, their influence, are examined on the level of international stability.

Keywords: pipeline communications, geopolitics, partnership, Black Sea area.

В настоящее время проблему многостороннего сотрудничества стран Черноморского региона в сфере энергетики следует рассматривать, учитывая несколько ключевых факторов.

Во-первых, Черноморский регион является частью большого – Черноморско-Каспийского и, еще шире, Евразийского, геополитического пространства. Исходя из этого, здесь присутствуют все основные узлы проблем и противоречий, а также векторы проецирования геополитической мощи, свойственные последним.

Во-вторых, на ситуацию в Черноморье существенным образом влияет развитие украинского кризиса, сопряженного с эска-

лацией вооруженного насилия, что актуализирует рассмотрение геоэкономических конструкций в регионе в тесной взаимосвязи с проблемой безопасности.

В-третьих, на конфигурацию Черноморского региона существенным образом повлияли события марта 2014 г., в результате которых произошло историческое воссоединение Крыма с Россией. По нашему убеждению, вследствие этого, были не только существенно усилены геополитические позиции Российской Федерации в Черноморском бассейне, но также созданы принципиально новые возможности для развития конструктивного международного диалога и широкого сотрудничества.

В-четвертых, вследствие существенного обострения глобальных геополитических противоречий, в том числе активного вовлечения в черноморский процесс ряда внерегиональных игроков, в настоящее время говорить о многостороннем сотрудничестве стран Черноморского региона можно, скорее, как о желаемой цели, нежели свершившейся реальности [1, С. 23-54].

В Черноморском бассейне действует несколько международных организаций. В их числе – Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), членами которой являются Азербайджан, Албания, Болгария, Армения, Греция, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Сербия, Турция и Украина; Основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора Европа-Кавказ-Азия (ТРАСЕКА), куда вошли Азербайджан, Армения, Болгария, Грузия, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Румыния, Таджикистан, Турция, Украина, Узбекистан; межгосударственное объединение «Организация за демократию и экономическое развитие» – ГУАМ в составе Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы.

При этом в экспертном сообществе утвердился разделяемый нами скептический взгляд на результаты деятельности перечисленных структур. «Со времени распада Советского Союза по всему периметру при активном участии западных стран был дан старт мертворожденным организациям, политическая ангажированность которых не вызывает сомнения [2]. В их числе и Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС)», – отмечает, в частности, политолог Р. Агаев [3, С. 1].

В тоже время, по мнению эксперта В.А. Дергачева, «организация ЧЭС не стала полноценной региональной группировкой. Парадоксальная особенность этого регионального сотрудничества заключается в том, что большинство стран, игнорируя реальную географию и геополитику, декларируют стратегический европейский или проамериканский выбор. Конкуренция между ними за транзитные функции доминирует над интеграционными проектами субрегионального сотрудничества. Искусственно созданное межгосударственное политическое и экономическое объединение ГУАМ практически прекратило свою деятельность. Этот американский проект, не имеющей экономической целесообразности, должен был выполнять геополитическую антироссийскую роль по углублению раскола постсоветского пространства и его переструктурированию в интересах Запада» [4]. При этом, как замечает эксперт, «участие в антироссийском геополитическом образовании ГУАМ не принесло Киеву политического капитала и экономических выгод. Внешнеторговый оборот со странами этой группировки не превышал 2%».

Не оправдал ожиданий широко разрекламированный проект Европейского Союза Евроазиатского международного транспортного коридора (ТРАСЕКА) из Западной и Северной Европы через Черное море на Южный Кавказ и Центральную Азию в Китай. Отсутствие перспективных массовых грузопотоков свидетельствуют об ограниченных возможностях этого варианта возрождения Великого Шёлкового пути. В связи с созданием Таможенного Союза возросло значение транзита из АТР в Европейский Союз через территорию Казахстана, России, Белоруссии, образующих единое таможенное пространство.

Эксперт В.Е. Григорьянц указывает на ряд геополитических задач, преследуемых одним из ключевых игроков Черноморского пространства – Турцией при опоре на ряд черноморских международных структур. Среди них:

1. Максимально быстрое и эффективное использование появившихся возможностей для всестороннего развития торгово-экономических и научно-технических связей на выгодных для Анкары условиях, и в этой связи создание в Черноморско-Ка-

спийской зоне региональной системы экономического сотрудничества (ЧЭС) и политико-экономического контроля (ПАЧЭС), способной обеспечить лидерство Турции и ограничить влияние других вероятных конкурентов (не только России и Украины, но и Германии).

2. Обеспечение максимально возможного политического, этнокультурного и духовно-религиозного влияния на ННГ с мусульманским населением или тюрко-мусульманскими общинами на их территории (крымские татары, гагаузы в Молдавии, аджарцы в Грузии, мусульмане Кавказа, тюркские народы России и т. д.) посредством создания единого тюрко-исламского информационного пространства, целевых инвестиций в сферу образования, в строительство медресе и мечетей, в подготовку кадров (в том числе исламского духовенства), а также путем внедрения специалистов и агентов влияния в структуры, определяющие геополитическую ориентацию, изменения в законодательстве, экономическую, военную, информационную политику и другие важнейшие сферы деятельности.

3. Формирование в целях оптимального обеспечения собственных экономических и политических интересов в Черноморско-Каспийском регионе соответствующих региональных систем политического сотрудничества с последующим приданием им функций военно-политической структуры в рамках «особых» отношений с НАТО постсоветских причерноморских государств (прежде всего Украины). Перехват функций стратегического контроля у России, превращение Украины в послушного статиста турецкой геополитики в Причерноморье.

4. Реализация протурецких проектов разработки и транзита углеводородного сырья из государств Центральной Азии и Каспия (нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум и другие варианты) как геоэкономическая предпосылка стратегии вытеснения России (и нейтрализации Украины) из Черноморско-Каспийской зоны стратегического соперничества. «Нефтяные» спекуляции на этой почве в отношении Украины.

5. «Неявная» (неофициальная) мобилизация этнорелигиозного национализма в тюрко-мусульманских регионах постсоветско-

го пространства под флагом возвращения этих народов к исламу. Прямая поддержка национал-сепаратистов Чечни, Дагестана, Татарстана, Башкирии в РФ, крымско-татарских – на Украине, пантюркистов – в Азербайджане и Центральной Азии в их общем стремлении отмежеваться от пророссийской геонациональной ориентации и сменить ее на протурецкую или прозападную [5].

С нашей точки зрения, существующие международные структуры, манифестирующие идею расширения международного сотрудничества в Черноморской или шире – Черноморско-Каспийской зоне, выполняют скорее инструментальную роль ряда ведущих субъектов региональной и глобальной политики [6].

Архитектура черноморской геополитики определяется в настоящее время не этими международными объединениями, а Россией, Турцией, Европейским Союзом и внерегиональным глобальным игроком – США. Вместе с тем, события последнего десятилетия со всей очевидностью продемонстрировали, что сама эта архитектура подвержена известным трансформациям, обусловленным сменой акцентов как в двусторонних геополитических коммуникациях, так и в глобальной расстановке сил [7].

События, связанные с грузино-югоосетинским конфликтом августа 2008 года и последующим признанием независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны руководства Российской Федерации со всей очевидностью высветили новую геополитическую роль России в Черноморье – роль международно-правового гаранта безопасности Черноморской зоны, а также свободного, равноправного геоэкономического партнерства.

В еще большей мере геополитическую конструкцию Черноморского региона изменили события марта 2014 года, связанные с историческим воссоединением Крыма с Российской Федерацией, которому предшествовал народный референдум.

Напомним, что 16 марта 2014 года 96,77 % крымчан и 95,6 % севастопольцев проголосовали за воссоединение с Россией, при этом явка (с учетом Севастополя) составила 82,71 %, что является крайне высоким показателем. 18 марта 2014 года в Москве руководством Российской Федерации, Республики Крым и города Севастополя был подписан договор о включении Крымско-

го полуострова в состав России. 21 марта Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Закон о вхождении Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации.

По нашему убеждению, с международно-правовой точки зрения (в том числе с учетом «косовского прецедента»), крымский референдум 16 марта 2014 года являлся безупречным. При этом на деле, а не на словах, было гарантировано высшее право человека – право на жизнь, что выгодно отличает крымские события от ситуации террора и репрессий, развернувшихся на Украине вследствие февральского антиконституционного переворота.

По справедливому замечанию эксперта С.С. Жильцова, «подписание договора о вхождении Крыма в состав России кардинально меняет геополитическую ситуацию в Черноморском регионе. За последние двадцать лет здесь не раз сталкивались интересы причерноморских стран и региональных государств. Географическое положение региона, возможность контроля над транспортными артериями и экспортными маршрутами углеводородного сырья, новые месторождения нефти и газа на шельфе Черного моря – все это предопределяет пересечение здесь различных интересов» [8, С. 11].

Анализируя геоэкономическое значение фактора воссоединения Крыма с Россией, важно учитывать, что на шельфе Черного и Азовского морей, а также в сухопутной части полуострова компанией «Черноморнефтегаз», национализированной Республикой Крым, разрабатывается два газоконденсатных, семь газовых и одно нефтяное месторождение (в общей сложности на ее балансе находятся 4 газоконденсатных, 11 газовых и 2 нефтяных месторождения). По данным, приводимым О. Блинковой, в 2012 году компанией было добыто 1,174 млрд. куб м природного газа; 62,8 тыс. тонн газового конденсата; 8,9 тыс. тонн нефти. В 2013 году «Черноморнефтегаз» добыл 1,65 млрд. куб. м. Немаловажно также, что компания располагает четырьмя самоподъемными плавучими буровыми установками, тринадцатью морскими стационарными платформами, 44 газораспределительными станциями, 324 транспортными единицами, 70 единицами специальной техники, 29 плавательными средствами, а также трубоукладчиком для подводных газопроводов. При этом общая протяженность газопроводов Крыма составляет порядка 1300 км, в том числе морских

газопроводов – 370 км. Избытки газа, поступающего с месторождений по трубопроводам, закачиваются в Глебовское хранилище [9, С. 43].

С нашей точки зрения, перечисленные обстоятельства объективно усиливают конкурентные преимущества России как в разработке новых месторождений углеводородного сырья, так и в прокладке новых трубопроводных коммуникаций Черноморья.

Отметим, что в настоящее время Российской Федерацией через Украину поставляется около трети всех объемов газа, потребляемых в Германии, двух третей – потребляемых в Австрии, и практически полный объем, необходимый Румынии и Болгарии [10, С. 24]. При этом на протяжении последних десяти лет де-факто каждый отопительный сезон сопряжен с явной озабоченностью государств Евросоюза степенью готовности Киева беспрепятственно пропускать в Европу российский газ.

Несмотря на очевидные преимущества, в апреле 2014 года Европейский парламент принял резолюцию, в которой призвал страны Европы отказаться от строительства «Южного потока». Затем Еврокомиссия предложила заморозить реализацию проекта, якобы из-за его несоответствия нормам Третьего энергопакета Европейского Союза. Позиция Еврокомиссии была поддержана правительством Болгарии, через территорию которой должен был пройти трубопровод, в результате руководство РФ приняло вынужденное решение об остановке проекта.

Согласно оценке Президента Российской Федерации В.В. Путина, «с учетом позиции Еврокомиссии, которая не способствует реализации этого проекта, с учетом того, что мы до сих пор не получили разрешения от Болгарии, мы считаем, что Россия в этих условиях не может продолжать реализацию данного проекта».

Вполне закономерно, что остановка «Южного потока» вызвала озабоченность в европейских политических кругах, ориентированных на защиту суверенных интересов государств Центральной и Южной Европы. Так, по мнению экс-министра энергетики Болгарии Румена Овчарова, «Болгарии грозят убытки в размере 600 миллионов долларов. Страна потеряет не только деньги, но и потерпит геостратегическое и политическое поражение» [11, С. 8].

Крайне интересной нам видится точка зрения на причины остановки «Южного потока», озвученная экс-канцлером Германии Герхардом Шредером. Политик видит «важнейшей причиной» свертывания проекта «то, что Евросоюз всю дорогу стремился воспрепятствовать строительству “Южного потока”. Сначала с помощью “Набукко”, который в конечном итоге из-за связанных с ним рисков был похоронен, затем с помощью бюрократических уловок. Например, Болгарию заставили или пытались заставить, что в конечном итоге получилось, не принимать определенные решения и не давать определенных разрешений. Я знаю, что это означает, потому что работал и работаю в “Северном потоке”. Каждый день промедления стоит денег. Поэтому мне понятно, хотя я и не рад тому, что “Южный поток” остановлен» [12].

Имеются веские основания полагать, что решающую роль в остановке проекта сыграл внерегиональный геополитический игрок – США. «Это одна из немногих побед Евросоюза и администрации Обамы, которые до сих пор были бессильны наказать Путина за действия на Украине!», – прямо заявлено на страницах влиятельной американской газеты «Нью-Йорк таймс» [13, С. 8].

Однако представляется, что дело тут вовсе не в украинском кризисе, начало которому положил февральский антиконституционный переворот в Киеве, поддержанный администрацией США. Как отмечает эксперт Д. Попов, «после распада СССР <...> в США вопрос о каналах транспортировки добываемых углеводородов на внешние рынки оказался выведенным за рамки просто коммерческих интересов американского бизнеса и стал рассматриваться как инструмент геополитической борьбы <...> В результате внешняя политика США была сориентирована на создание так называемого «южного транспортного коридора», позволяющего экспортировать каспийскую нефть и газ в обход территории России и Ирана по маршруту Центральная Азия – Каспийское море – Кавказ – Турция».

При этом одна из ключевых задач американской энергетической дипломатии заключалась в снижении влияния России одновременно в трех регионах: «в Европе (из-за конкуренции каспийских и российских энергоносителей), в ЦА (по причине разрушения российской монополии на транзит углеводородов на Запад) и на Кавказе (путем повышения финан-

совой самостоятельности местных режимов и получения ими транзитных сборов)» [14, С. 16].

Вместе с тем, по справедливому замечанию эксперта С.С. Жильцова, «на протяжении многих лет ЕС не может решить ключевую проблему – обеспечить необходимые объемы газа для заполнения проектируемых трубопроводов <...> В условиях наличия гарантированных поставок газа из России, которые составляют значительную долю европейского рынка, усилия европейцев по строительству новых трубопроводов больше похожи на геополитическую игру, выгоды от которой не сопоставимы с затратами» [15, С. 32].

Примечательно, что при посредничестве Белого дома в июне 2012 года Анкара и Баку подписали соглашение о строительстве к 2017 году Трансанатолийского газопровода (TANAP) с целью экспорта природного газа с месторождения Шах-Дениз-2 (Азербайджан) в Европу. В планы Вашингтона входит и возможное подключение к TANAP, который рассматривается в качестве прямого конкурента «Южного потока», газовых ресурсов Ирака [14, С. 17]

С нашей точки зрения, учитывая известную переоценку администрацией США объемов углеводородных ресурсов Каспия, в будущем нельзя исключить попыток Вашингтона втянуть в орбиту «южного транспортного коридора» и традиционного геоэкономического партнера России – Иран [16].

Однако подобный сценарий в целом противоречит общим глобальным тенденциям, обусловленным глубоким кризисом геополитической модели «однополярного мира», исповедуемой официальным Вашингтоном.

Подтверждением сказанному может служить обострение внутренних противоречий в ЕС и НАТО, очевидная невыгодность для европейских деловых кругов навязываемых доктрин «сдерживания России».

На этом фоне заключение межгосударственного двустороннего российско-турецкого соглашения о переориентации инфраструктуры «Южного потока» с аналогичной пропускной мощностью на Турецкую Республику выглядит вполне логичным и закономерным. По оценке Герхарда Шредера, в сложившейся ситуации Турцию можно только поздравить: «Они получают возможность экономического роста, которой лишились другие европейские государства. Все очень просто, и это необходимо подчеркнуть».

Заключение обоюдовыгодного российско-турецкого соглашения может также свидетельствовать об известных трансформациях самой турецкой геополитики, которая отходит от неоэкспансионистских проектов начала 1990-х годов и становится более прагматичной, нацеленной на защиту национальных турецких интересов.

По нашему мнению, названное соглашение объективно будет способствовать и укреплению уровня безопасности в Черноморском бассейне, постепенной смене акцентов с геополитического соперничества и «борьбы за сферы влияния» к взаимовыгодному партнерству и четкому распределению взаимных сфер ответственности за поддержание международной стабильности, на необходимости чего неоднократно настаивала российская дипломатия.

Открываются новые перспективы и для широкого сотрудничества в сфере экологии, рационального природопользования, развития рекреационной инфраструктуры.

В заключении подчеркнем, что опыт последнего десятилетия со всей очевидностью свидетельствует о стратегической бесперспективности попыток использования Черноморской зоны в качестве буферной зоны изоляции и сдерживания России. И, напротив, международное осознание традиционно значимой, по сути незаменимой, геополитической роли Российского государства способствует возрастанию уровня безопасности и экономическому росту всех субъектов этого уникального макрорегиона.

Литература

- [1] Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. М. Международные отношения. 2007.
- [2] Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. М. 2001. Эдель-М. 199 с.
- [3] Оруджев Р. Крупным державам не до ОЧЕС. А США заинтересованы в дроблении любых геополитических союзов // Черноморский Вестник. – 2013. – № 1.
- [4] Дергачев В. Историческая природа украинской независимости основана на антирусской идее [Электронный ресурс] / В.А. Дергачев // Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1600298.html>. (дата обращения 04.12.2012).
- [5] Григорьянц В.Е. Геополитика Украины и «турецкий фактор» [Электронный ресурс] / В.А. Григорьянц // Аналитические записки №9. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36192>. (дата обращения – 31.01.2007).
- [6] Жильцов С.С., Зонн И.С. Черно-

морский регион: новые очертания. М. 2010. МГОУ. 198.

[7] Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья М. Восток-Запад. 2009. 351 с.

[8] Жильцов С.С. Крым меняет конфигурацию Черноморского региона // Черноморский Вестник. – 2014. – № 1.

[9] Блинкова О. Крым: газовые месторождения и инфраструктура / О. Блинкова // Черноморский Вестник. – 2014. – № 1.

[10] Ализаде Ф. Опасность для Евросоюза, Или почему угрозы в адрес России не эффективны / Ф. Ализаде // Черноморский Вестник. – 2014. – № 1.

[11] Алексеев Л. На Балканах паника, а в Брюсселе лицемерие / Л. Алексеев // Комсомольская правда. Крым. – 3 декабря 2014 г. – № 137 (26315).

[12] Шредер Г. «Южный поток» – это уже история / Г. Шредер // Российская Газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/11/shreder-site.html>. (Дата доступа – 11.12.2014.

[13] Алексеев Л. На Балканах паника, а в Брюсселе лицемерие / Л. Алексеев // Комсомольская правда. Крым. – 3 декабря 2014 г. – № 137 (26315).

[14] Попов Д. Трубопроводы и геополитика / Д. Попов // Черноморский Вестник. – 2013. – № 1.

[15] Жильцов С.С. Газовые потоки меняют направление / С.С. Жильцов // Черноморский Вестник. – 2013. – № 1.

[16] Жильцов С.С., Воробьев В.П., Шутов А.Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве. Учебное пособие. М. 2010. Восток-Запад. 164 с.